

Прошло не больше полуминуты, и дурное предчувствие оправдалось.

Фан Сынун во все глаза смотрел, как маленький листок прямо напротив него медленно поник. Из него засочилась багровая влага, которая тонкой ровной струйкой потекла вниз, прямо к нему, и в конце концов окрасила в кровавый цвет цифру «6» на столе.

Сердце Сынуна мгновенно пустилось вскачь, готовое выпрыгнуть из груди, однако внешне он ничем себя не выдал. Лишь голова его как-то механически, словно у марионетки, повернулась к Объекту 019.

Тот в очередной раз вытянул карту с вопросом, и его брови удивленно взлетели.

— О, а вот и наш вопрос... — протянул он.

019 перевел взгляд на Фан Сынуна. В его глазах, густо подведенных красным лайнером, промелькнуло нечто жестокое, а губы растянулись в неестественной, пугающе широкой улыбке.

— Есть ли среди присутствующих тот, кого ты любишь?

У всех за столом мороз пробежал по коже.

Это был тот самый вопрос, что превратил Лао Шуая в монстра. Слово в слово, без малейших изменений.

Но как вообще мерить эту «любовь»?

Что служит мерилom — субъективное чувство или объективная истина? Судя по тому, чем все закончилось для Лао Шуая, правила игры опирались скорее на субъективное восприятие: в конце концов, они с женой были законными супругами, но система не сочла это истинным чувством.

Да и что вообще такое любовь? Насколько сильной она должна быть, чтобы пройти проверку? Обязательно ли это должна быть страсть романтическая? Или родственная тоже сгодится? А дружеская привязанность?

До каких пределов нужно любить? Достаточно ли обычного влечения, принятого у современных пар, или же требуется шекспировская драма на разрыв аорты, как у Ромео и Джульетты? Кто определяет этот порог? И как отвечающему нащупать грань, чтобы не оступиться в бездну?

Все замерли, боясь даже вздохнуть, и уставились на Фан Сынуна.

Сам он, впрочем, держался спокойнее остальных. Положив ладони на стол, он несколько секунд пристально разглядывал кончики собственных пальцев, а затем ровным, глухим голосом произнес:

— Да.

Сердца свидетелей забились в горле. Все напряженно вглядывались в него, ожидая, что прямо сейчас он начнет преображаться в то жуткое создание... Однако потянулись минуты, а ничего не происходило.

— И за что же ты его полюбил? — вкрадчиво уточнил 019.

Но прежде чем Сынун успел открыть рот, раздался голос Юй Цюся:

— Позвольте. Разве правила не гласят, что за один раунд можно задать лишь один вопрос?

019 резко обернулся. Его глаза, густо накрашенные и обрамленные причудливым гримом, устремились на Юй Цюся, источая ледяную ярость.

Юй Цюся встретил этот взгляд абсолютно спокойно, не выказав ни капли страха.

После затянувшегося безмолвного противостояния 019 неожиданно отступил. Его жуткие, раскрашенные глаза прищурились, губы тронула мягкая усмешка, и зловещая аура безжалостного убийцы мгновенно рассеялась — предводитель игры вновь превратился в радушную дрег-квин. Он едва заметно кивнул Юй Цюся:

— Ваша правда. Каждый участник обязан чтить правила.

Затем он снова расплылся в улыбке:

— Ну что ж, перейдем к следующему вопросу!

Следующими под раздачу попали Сан Чу и Ро Шиши. Им достались нелепые, абсурдные вопросы вроде того, что задали Пу Тяньбаю про странную еду. Оба ответили предельно честно, благополучно миновали опасность, и игра покатилась дальше.

К этому моменту Фан Сынун начал кое-что понимать. Это «семечко дерева», невидимый кукловод их смертельного развлечения, явно обладало способностью читать мысли и заглядывать в самые потаенные уголки души. Вопросы вовсе не были случайными — система была точно по уязвимым местам каждого конкретного игрока.

Семейной паре она подкинула испытание «любовью», друзьям подсунула проверку на «доверие», а тем, кому нечего было скрывать, доставались безобидные шуточные карточки. Иными словами, игра безошибочно нащупывала слабости.

Пока он размышлял об этом, на его цифру «6» вновь пролилась капля багровой жижи, делая ее оттенок еще более густым и зловещим.

Сынун вскинул голову и наткнулся на цепкий взгляд 019.

— Ох, прошу прощения, игрок номер шесть, — заворковал тот. — Нож судьбы опять указал на вас. Что ж, продолжим наш разговор... С того самого места, где остановились. Ответьте на предыдущий вопрос: за что именно вы его полюбили?

Вновь все взгляды скрестились на нем, но Фан Сынун чувствовал лишь один — тот, что колот его сбоку. Он прекрасно понимал, что в любых вопросах, касающихся Юй Цюся, он уязвим и незащищен, как содранная кожа. Но вывернуть наизнанку душу теперь, когда все давно кончено, ворошить былое на глазах у всех... Даже для него это было слишком.

Грудь сдавило такой нестерпимой болью, что перехватило дыхание. В голове воцарилась звенящая пустота. Опершись локтями о столешницу, он сделал глубокий вдох, пытаясь унять спазм в легких. Когда 019 поторопил его во второй раз, Сынун выдавил дрожащим голосом:

— Я... я не знаю, как ответить.

Окружающие опешили. Одно дело — упрямыться в обычной компании за бутылкой пива, но здесь подобные отговорки грозили немедленным превращением в монстра.

К счастью, Сынун вовремя успел совладать с собой и добавил:

— У меня на родине говорят: «Любовь рождается неведомо когда».

— На вопросы нужно отвечать по существу, — отрезал 019, но нападать не спешил. Напротив, в его голосе прозвучали почти мягкие, привлекающие нотки: — Попытайся вспомнить то, что врезалось в память сильнее всего. Тот самый момент, когда ты впервые отчетливо, до дрожи осознал: вот оно, мое сердце забилося ради него.

Сынун еще ниже склонился над столом, упираясь кулаком в ребра, чтобы хоть немного унять щемящую боль в сердце, и медленно произнес:

— Я влюбился в него в ту самую секунду, когда впервые увидел.

Улыбка 019 утратила былую мягкость, в его голосе проступили опасные стальные нотки:

— Брось, дорогуша. Я и так проявил к тебе верх снисхождения. Ты должен рассказать подробнее.

Сделав еще несколько судорожных вдохов, Сынун почувствовал, что боль в груди слегка утихла, а пелена перед глазами рассеялась. Ледяной тон ведущего отрезвил его. Юлить больше нельзя.

Он заставил себя вспомнить.

Мысль о том, что сейчас ему придется исповедоваться перед Юй Цюся, обнажая то, о чем он молчал годами, приносила не только боль, но и жгучий, непереносимый стыд. Однако на кону стояла жизнь. Выбора не было.

Игра «Правда» в обычной реальности была глупой забавой для пьяных компаний, созданной ради смеха и неловкого флирта. Кто бы мог подумать, что в этом проклятом месте столь банальные вопросы превратятся в изощренную пытку.

Ему придется резать по живому.

Ему пришлось буквально препарировать собственную память, возвращаясь к истокам этой давно похороненной драмы: внезапная вспышка при первой встрече, два года отчаянных ухаживаний, шесть лет безумной любви и два года глухого разрыва...

Десять лет этих чувств полностью перекроили его личность. Он долго и упорно заставлял себя забыть все, что было тогда.

И вот теперь, когда его насильно заставили обернуться назад, голова буквально раскалывалась от боли, но картины прошлого вихрем проносились перед мысленным взором. Тесная, полутемная съемная конура, вечно пропахшая дешевыми антисептиками и сыростью; иссохшие, серо-желтые, похожие на сморщенные плети ноги больной сестры; ослепительный, режущий глаза блеск начищенной витрины, в которой отражалось холодное сияние далекого небоскреба... Все эти детали воскресли мгновенно, не утратив былой остроты.

Стыд перед толпой зрителей отступил, растворился в этой хлынувшей лаве воспоминаний. Он полностью погрузился в прошлое.

— Первый раз... когда я его встретил...

Тот день казался самым обычным. Небо над Пекином было пронзительно-синим, бескрайним — от этой выси щемило в груди.

Сынун тогда входил в библиотеку и в дверях столкнулся с выходящим Юй Цюся.

Того окружала шумная толпа приятелей, но в ту секунду мир вокруг точно замер. Звуки стихли, краски поблекли, и остался лишь он один. Чистый, яркий солнечный свет ложился на плечи и волосы Юй Цюся, словно тончайшая золотистая вуаль.

— На нем была белая кружевная лента с бантиком, — тихо заговорил Сынун.

Замолчав, он с трудом перевел дыхание.

— Точно такую же... я когда-то купил своей... своей сестре, — спустя минуту хрипло выдавил он. — Фанг Пэйэр... моя сестра... она очень долго болела, и ей этот бант совсем не шел. Но на нем... на нем он смотрелся невероятно красиво. И в ту самую секунду я понял, что пропал. Понял, что полюбил его до безумия.

Слов было сказано немного, но Фан Сынуну казалось, будто ему полоснули лезвием по горлу. Сердце колотилось в ребра, а в ушах стоял тонкий, сверлящий писк.

Сквозь нарастающий гул в угасающем сознании пробилась горькая, трезвая мысль.

«Наверное, Юй Цюся прав. Мне действительно нужно показаться врачу»

Спустя вечность чья-то теплая ладонь легла ему на плечо. Сынун растерянно поднял голову и лишь через несколько секунд узнал встревоженное лицо Юй Цюся.

— Все кончено, — негромко произнес тот, слегка наклонившись к нему. — Пойдем отсюда.

Сынун послушно поднялся, но ноги не держали его. Он покачнулся, едва не падая, но Юй Цюся вовремя подхватил его за талию и помог обрести равновесие.

Тот больше ничего не сказал. Убедившись, что Сынун твердо стоит на ногах, он бросил короткое:

— Идем.

Оглядевшись, Сынун заметил, что стол практически опустел — остальные игроки уже разошлись.

Сделав над собой усилие, он зашагал вслед за Юй Цюся. Взгляд его невольно приковался к затылку спутника, где покачивался полусобранный хвост мягких волос. И вновь перед глазами замелькали обрывки воспоминаний — почти все они были сняты именно с этого ракурса. У Юй Цюся были потрясающие волосы, над которыми вечно колдовали стилисты, пытаясь соорудить нечто замысловатое, поэтому даже в этих бесчисленных видениях его спина редко выглядела одинаково.

Сначала он, зеленый первокурсник, всеми правдами и неправдами напрашивался в съемочную группу к блистательному старшекурснику. Позже занял там место на законных основаниях, но все равно держался позади режиссера, за спинами сценаристов и актеров. Даже когда он наконец заслужил право стоять плечом к плечу с Юй Цюся, старая привычка брала верх: он всегда отставал на полшага, просто чтобы тот заслонял собой все его поле зрения. После разрыва они демонстративно игнорировали друг друга, но стоило им оказаться в одном помещении, как Сынун терял контроль над собственными глазами и воровато ловил взглядом его удаляющийся силуэт.

И так продолжалось долгие, долгие годы.

Юй Цюся уверенно вел его через просторный холл. Подойдя к лестнице, он привычным жестом приложил зеленый листок на запястье к панели управления, открывая проход сквозь «водяную завесу».

— Иди впереди, — Юй Цюся вдруг остановился и обернулся, смерив его тяжелым, пристальным взглядом. — Не хватало еще, чтобы ты покатился по ступеням.

<http://bllate.org/book/20607/2213890>